

УДК 595.799 (571.6)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О КИТАЙСКОЙ ВОСКОВОЙ ПЧЕЛЕ (*APIS CERANA CERANA* F.) И НАЧАЛЕ РОССИЙСКОГО ПЧЕЛОВОДСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Е.В. Новомодный

Хабаровский филиал ФГУП «Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр» (ТИНРО-центр), г. Хабаровск

Анализируются причины кризисного состояния популяций китайской восковой пчелы на территории Дальнего Востока России. Рассматриваются природно-климатические предпосылки обитания вида вблизи северных границ ареала. Приводятся исторические свидетельства о былом распространении, образе жизни, использовании, попытках русских переселенцев одомашнить китайскую восковую пчелу. Уточняются события, связанные с первым появлением и разведением на Дальнем Востоке России медоносной пчелы.

Как только встал вопрос о необходимости охраны насекомых, среди многих кандидатур А.И. Куренцов предложил пчелу, обитающую в диком состоянии в Приморском крае (Куренцов, 1964, 1973). В мире она известна как китайская восковая пчела «Chinese wax bee», или как восточная (азиатская) медоносная пчела «Eastern (Asiatic) honey bee» (*Apis cerana cerana* Fabricius, 1793). Последнее название дано по аналогии, в качестве антонима к западной (европейской) медоносной пчеле «Western (European) honey bee» (*Apis mellifera mellifera* Linnaeus, 1758). В России китайской восковой пчеле было уделено достаточно серьезное внимание, что нашло отражение в целом ряде публикаций (Песенко и др., 1989; Филаткин, 1992; Кузнецов, 1997а, 1997б, 1999, 2002, 2004, 2005; Кузнецов, Прощалькин, 2004). Все авторы отмечают критическое состояние ее популяций. Причинами этого традиционно считаются антропогенные факторы. Заметим, однако, что в распоряжении исследователей нет научных доказательств изначально благополучного существования этих пчел на юге Дальнего Востока в прошлом. Люди жили в этих местах очень давно, а рядом,

на территории Китая, пчеловодство на основе культивирования *Apis cerana* по письменным источникам известно с XVI в. до н.э. Мы даже не знаем, а всегда ли водилась на юге Дальнего Востока дикая пчела или она была занесена сюда человеком, т.к. местные жители занимались полеводством и овощеводством, а пчеловодство – их спутник. Однако европейские этнографы XIX в. не зафиксировали фактов использования диких пчел местными народами: маньчжурами, китайцами, нанайцами, удэгейцами.

Большинство авторов указывают на распространение китайской восковой пчелы в Хабаровском крае, однако, никаких конкретных свидетельств, как правило, не приводится. Поэтому вопрос о северных пределах былого и современного распространения этой пчелы в бассейне Амура остается открытым. По-видимому, основными лимитирующими факторами являются наличие медоносов (в первую очередь липы), низкие зимние температуры и регулярные лесные пожары.

На примере медоносной пчелы хорошо известно, что, несмотря на обилие пыльце- и медоносов в дальневосточной флоре (свыше 300 видов растений) и непрерывный конвейер их цветения, главными прокормителями пчел, обеспечивающими 70-80 % взятка, являются липы. Медосбор с них в Приморье составляет 100-120 кг в год на одну пчелосемью, но в Хабаровском крае получить даже по 60-80 кг меда – большая редкость (Прогунков, 1988). Местонахождения липы известны вплоть до р. Зея на Среднем Амуре и оз. Кизи на Нижнем Амуре. В Приамурье липа занимает самые тепло- и влагообеспеченные, высокопродуктивные в лесорастительном смысле уголья: возвышенные предгорные шлейфы южных и смежных с ними склонов, высокие террасы по долинам рек. Можно с уверенностью утверждать, что лучшие земли сельскохозяйственного назначения являлись в прошлом липняками и, весьма вероятно, одновременно коренными местообитаниями густонаселенных популяций восковой пчелы. Освоение лесной целины в Приамурье по времени совпало с завозом и бурным размножением медоносной пчелы, а об антагонизме ее с *Apis cerana* ярко свидетельствует наблюдаемая в настоящее время обратная картина: упадок культурного пчеловодства, по крайней мере, на юге Приморского края, сопровождается возвращением дикой пчелы на места былого расселения, где вид становится обычным, фоновым (Кузнецов, 2005). Продуктивность лип весьма изменчива и зависит от возраста, размеров деревьев, размещения в древостое, района и условий произрастания; она не стабильна по годам – отсутствует достоверно выявленная закономерность в периодичности цветения (Прогунков, 1988). Безусловно, все это отражается на пчелах.

Установлено, что помимо достаточного количества пищи и укрытий важным условием успешной зимовки восковых пчел является возможность совершения регулярных облетов на открытом воздухе для опорожнения кишечника в тихие безветренные дни при потеплениях до 10-12 градусов мороза (Кузнецов, 2004, 2005). Но в низовьях Усури и на самом Амуре при средних низких температурах по широким долинам рек практически постоянно дуют сильные ветра, а подобные оттепели бывают крайне редко и, главное, нерегулярно. Так что здешняя зимняя обстановка в целом неблагоприятна для китайской восковой пчелы.

Пожары в дальневосточных лесах обычны, регулярны уже многие столетия и, как правило, расцениваются как вредные по последствиям. Но воздействие огня на древостой может быть разным. Конечно, устойчивый, и уж тем более, верховой пожар губителен для всего живого, но он как раз не характерен для широколиственных и кедрово-широколиственных лесов, где произрастают липы. Для многих лиственных пород деревьев на Дальнем Востоке характерна сердцевинная гниль стволов. Найти толстый ствол липы без гнили вообще проблематично. Чаще всего на первых порах гнили заселяют муравьи, а потом в комлевой части их вскрывает беглый низовой огонь, сжигающий только подстилку и древесный опад. Муравейник тоже выгорает и место для улья готово. У китайских восковых пчел наблюдается удивительная особенность: в отличие от медоносных, они не реагируют на дым (Кузнецов, 2005). Такая черта поведения свидетельствует об их глубокой адаптации к лесным пожарам. Кроме того, на свежих горях бурно разрастаются отличные медоносы: малина и иван-чай, только функционировать долго, как липняки, они не могут. Кстати, липа легко восстанавливается даже после сильного лесного пожара, а доля ее участия в насаждениях увеличивается вплоть до образования чистых липняков (Соловьев, 1969). Если в густом девственном лесу хорошо цветут только липы верхнего яруса, то на опушках – все. По этой причине расстроенные рубками древостой даже более благоприятны для медосбора, чем коренные формации. Мягкая древесина липы представляет собой поделочный материал, поэтому рубки до недавнего времени не наносили существенного вреда. Но спрос на экспортную древесину для изготовления разовых деревянных палочек для еды изменил это положение, хотя в правилах рубок по-прежнему липа, как медонос, во многих случаях под запретом. Химическая борьба с вредителями сейчас почти не применяется, что, безусловно, хорошо с точки зрения пчеловодства.

Так что же известно о распространении китайской восковой пчелы на Дальнем Востоке России? Впервые о нахождении дикой пчелы в Приморской области в 1887 г. заявил О.И. Радошковский (Oktawiusz Wincenty Bourmeister-Radoszkowski, 1820–1895), посчитавший ее сортом медоносной пчелы (Песенко и др., 1989). Идентифицировать ее в качестве отдельного вида удалось лишь ведущему специалисту страны по медоносным пчелам Г.А. Кожевникову (1866–1933) по сборам инструктора по пчеловодству Дальневосточного края И.И. Васьяковского (Кожевников, 1926).

Сведения по распространению китайской восковой пчелы в Амурской области и Хабаровском крае противоречивы. В Красной книге СССР (Панфилов и др., 1984) и в первом издании Красной книги Хабаровского края (Ганин, 1999) не приводится ни одного конкретного местонахождения, зато на карте ареала заштриховано все пространство между государственной границей с Китаем и Нижним Амуром с одной стороны, и морем – с другой. Во втором издании Красной книги Хабаровского края отмечено, что «напечатана карта с ареалом распространения китайской восковой пчелы по правому берегу реки Амур до устья. Фактически этот ареал ограничивается самыми южными районами края» (Ганин, 2000). В Красной книге Российской Федерации распространение

восковой пчелы приведено следующим образом: «на территории России ареал очень узкий – юг Дальнего Востока (в настоящее время известна из 7 р-нов Приморского и 2 р-нов Хабаровского краев). Возможно, сохранилась на Сахалине» (Горностаев, 2000).

Документально подтвердить сам факт современного обитания китайской восковой пчелы в Хабаровском крае до сих пор никому не удавалось. Так, по информации старейшего хабаровского охотоведа, писателя-краеведа В.П. Сысоева за все время наблюдений с 1937 г. ему ни от кого не доводилось даже слышать о ней, хотя его личный промысловый участок находился в южном Вяземском районе. Исключить возможность нахождения пчелы в Хабаровском крае нельзя, ведь она известна на севере Приморья, в соседнем Пожарском районе: окрестностях поселка Лучегорск и сел Соболиное и Красный Яр (Филаткин, 1992; Кузнецов, 2005). Житель с. Лесопильное Бикинского района А.А. Даневич также подтвердил это, сообщив нам, что в 2007 г. обнаружил на своем охотничьем участке (р. Улитка, бассейн р. Бикин) на расстоянии нескольких километров от административной границы с Хабаровским краем разоренное медведем дупло с покинутым гнездом диких пчел. Дальневосточный специалист по медопродуктивности растений В.В. Прогунков рекомендовал целенаправленно искать пчелу в насаждениях с высоким участием липы в составе древостоя (до 8-10 единиц). По его словам, ему приходилось встречать такие участки не только в Приморском, но и в Хабаровском крае, например, в верховьях р. Одыр в Большехехцирском заповеднике.

Нам удалось найти сведения о северной границе распространения дикой пчелы в конце XIX в. «По рассказам, первые русские переселенцы в Амурской области застали в лесах значительное количество диких пчел. В глухих местностях области они сохранились и по сию пору, но поблизости жилья настолько истреблены, что найти улей диких пчел составляет в настоящее время большую редкость» (Бережников, 1898). Следует напомнить, что в те времена восточной границей Амурской области Приамурского генерал-губернаторства на Транссибирской магистрали была железнодорожная станция Волочаевка, поэтому речь идет, видимо, о местностях, где и сегодня растут липы: территориях Еврейской автономной и самой южной части Амурской областей.

По-видимому, информация о широком распространении китайской восковой пчелы в Приамурье основывается на недоразумении. В 1917 г. Г.А. Кожевников запросил сведения о дикой пчеле у выдающегося исследователя, писателя и директора хабаровского Гродековского музея В.К. Арсеньева. Ответ, сохранившийся в архиве, был таким: «дикие пчелы в бассейне Уссури встречаются повсеместно, и всюду на Амуре до озера Кизи» (Смольников, 1973), хотя один из разделов опубликованного Арсеньевым отчета по результатам нескольких сихотэ-алиньских экспедиций 1901-1911 гг. посвящен пчеловодству (Арсеньев, 1912). Приводим его с незначительными сокращениями.

«Едва переваливаешь Сихотэ-Алинь с р. Ли-Фудина [Партизанка] к [рекам] Тадушу [Зеркальная] и Вай-Фуцзину [Аввакумовка], невольно поражаешься, вообще, разнообразием насекомых, и среди них – большому количеству пчел.

...Эти трудолюбивые насекомые всюду... Такое поражающее количество шмелей и пчел красноречиво говорит о вероятной возможности занятия пчеловодством на искусственных пасеках. Местные пчелы не требуют за собой такого тщательного ухода, как культивированные, в особенности, привезенные из Европейской России. Правильное пчеловодство в Уссурийском Крае находится еще только в зачатке. От диких пчел добыча меда производится большею частью самым хищническим образом. Обыкновенно разоряется гнездо, и весь мед совершенно вынимается, так что пчелам остаются лишь случайно незабранные капли. Само собой разумеется, что разоренные пчелы гибнут от холода и голодовок. В 1906 г. в течение двух месяцев нам удалось достать около 18 пудов липового меда, причем найдены рои были случайно, на охоту за пчелами люди специально не ходили, и никаких особых для сего приемов не предпринимали. Почти на каждом шагу попадались пчелиные ульи, разоренные медведями. Из всего этого видно, что если немного приложить стараний, немного внимания и чуть-чуть труда, то поселившиеся здесь крестьяне будут иметь мед если не для продажи, то, по крайней мере, для собственного употребления. Конечно, и здесь надо помнить, что хищничество и бессистемность очень быстро приведут к полному уничтожению диких пчел во всем Крае. Севернее р. Тютихэ [Рудная], там, где меньше цветковой растительности и липового леса, где больше болот, березового и дубового редколесья, – пчелы встречаются уже реже, а в верховьях рр. Бикина, Хора, Анюя, Хунгари [Гур] и Имана [Большая Уссурка] – их уже нет вовсе. Северной границей диких пчел на побережье моря надо считать р. Кулумбэ (около мыса Арка). Также нет вовсе пчел и в верхней половине течения р. Такэмы [Такема]. Таким образом, если провести прямую линию от хребта Сихотэ-Алинь на широте залива Пластун наискось к берегу моря, к реке Амагу, то это будет приблизительно географическая граница распространения диких пчел в Уссурийском Крае. Таким образом, к востоку от этой границы пчелы еще есть, к западу же от нее и к северу их уже нет совершенно. Область нижнего течения р. Бикина в этом отношении стоит впереди побережья. Начиная от Сигоу [р. Вилюйка] вплоть до долины р. Уссури занятия пчеловодством возможны с большим успехом, чем в районе рр. Амагу, Кусуна и Такэмы. С неменьшим успехом пчеловодство возможно по нижнему течению Анюя и по р. Амуру. Вся остальная часть побережья от р. Самарги до Императорской [Советской] гавани и вся область р. Хуту, верхнего и среднего течения Анюя является такими местами, где нет пчел вовсе, кормовых для них трав не видно тоже, и потому рассчитывать на добычу меда не приходится. К северу от мыса Золотого нет липы, что и является главной причиной отсутствия диких пчел. Дуплистый ствол липы дает пчелам возможность устраивать внутри деревьев свои ульи, цветы ее – неисчерпаемое количество сладкого сока и воску. Около р. Амагу могут еще жить домашние пчелы, но они требуют за собой очень много ухода. На зиму их надо убирать в специально построенные помещения, прикрывать от морозов и оставлять побольше корму. Завезенным сюда пчелам трудно собирать мед, так как в поисках за кормовыми травами им приходится совершать большие полеты. Старообрядцы заметили, что, если кормовых трав для пчел

бывает мало, они собирают мед и с других растений, а иногда даже и с чемерицы. От этого меда пчелы болеют, часто мрут и, если им дать хорошего меда, они сами выбрасывают из улья мед, собранный ранее. Вообще переселенцам, поселившимся севернее р. Амагу не придется рассчитывать на успешное занятие пчеловодством. Только старообрядцы, благодаря своему терпению и энергии поддерживают еще у себя домашних пчел, и то в очень ограниченном количестве» (Арсеньев, 1912). Хотя изложение вопроса о границах распространения пчел в отчете достаточно запутано, но о самих диких пчелах сообщается лишь с территории Приморского края, а об Амуре, низовьях Бикина и Анюя – только как о перспективных для пчеловодства местностях.

Недавно нам удалось найти в редком малодоступном издании статью «О пчеловодстве в Приморской области», подтверждающую обитание дикой пчелы на территории Хабаровского края в далеком прошлом, по крайней мере, в двух местах: в окрестностях с. Венюково (Вяземский район) и г. Хабаровска (Дульский, 1903). Эта обстоятельная работа была помещена в трех номерах официального губернского еженедельника «Приамурские ведомости». По информации, собранной хабаровским краеведом А.М. Жуковым, с 6 апреля 1898 г. ее автор, Фаддей Ромуальдович Дульский, был назначен на должность ученого агронома при Приамурском генерал-губернаторе Н.И. Гродекове и жил в Хабаровске. Образование получил в знаменитой московской Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии (ныне Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева). Помимо служебных обязанностей, он преподавал естествознание в Хабаровском кадетском корпусе и Алексеевском училище, состоял действительным членом Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества, а в 1903–1905 гг. был директором Гродековского музея. Дослужившись до чина коллежского асессора, уехал с Дальнего Востока в 1905 г., и впоследствии работал в Томском реальном училище.

Судя по всему, Ф.Р. Дульский целенаправленно собирал информацию по пчелам и пчеловодству в подведомственной ему Приморской области. Поскольку ни в одной из известных нам публикаций нет ссылок на его статью, нам кажется целесообразным повторно опубликовать этот забытый документ эпохи начала русской колонизации, в необходимых местах дополнив его своими примечаниями и сведениями, взятыми из архива А.М. Жукова (в квадратных скобках). Кроме того, в ней также содержатся точные сведения о происхождении первых семей медоносных пчел, завезенных в Приамурье и Приморье, и роли главных действующих лиц в этом процессе, а не те достаточно противоречивые указания, как в других известных нам источниках (см., например, Алпатов, 1948; Песенко и др., 1989). Исходный текст мы сочли необходимым значительно сократить за счет мест, в которых идут рассуждения об экономике, рекомендации по организации пчеловодства, и тех, где автор явно стремился упомянуть непременно всех пасечников.

«В Приморской области потребность в меде удовлетворялась медом диких пчел, которые водились в изобилии в близкой тайге. Например, в те времена, когда Хабаровск был еще Хабаровкой, мед находили там, где ныне вокзал.

Уссурийские казаки и крестьяне-переселенцы тоже добывали в изобилии мед недалеко от своего жилья. С каждым годом, однако, все дальше и дальше приходилось отправляться в поиски за медом, так как вблизи поселений дикие пчелы перевелись. Да как не перевестись им, если каждый, отыскавший мед, не довольствовался частью найденного меда, а забирал все: дупло норовил разломить как можно больше, а то и совсем срубал дерево, чтобы удобнее было вынимать соты. Не было пощады ни сильной, ни слабой пчелиной семье: выламывали и по 2 пуда меду, не брезговали и полуфунтом; не всегда считались со временем, к которому накаплиются у пчел порядочные запасы. Как местное население уничтожало диких пчел, об этом докладывал [чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, статский советник] Георгий Трофимович Орлов еще в 1893 г. на III хабаровском съезде [«сведущих людей и окружных администраторов» при Приамурском генерал-губернаторе]: «уничтожение в лесах диких пчел идет очень быстро. По рассказам жителей станицы Венюковой, прежде добывалось очень много меда, и еще в 1888 г. один из жителей означенной станицы в одну осень нашел и разорил 120 семей пчелиных, а теперь же больше 10-15 гнезд не найдешь». Несколько позже большой знаток нашего края, покойный Ф.Ф. Буссе писал: «местные жители издавна пользуются медом диких пчел, но, вынимая соты без остатка и во всякое время года, они губят рой в огромном числе, и, вследствие такого хищничества, и конкуренции в нем медведей, добыча быстро сокращается в окрестностях поселений. Как велико истребление видно из того, что в 1866 г. я лично покупал мед диких пчел по 4 руб. за пуд, в настоящее же время трудно его купить и за 10 руб.» [Буссе, 1896].

Повышение цены на мед диких пчел является результатом вышеприведенного отношения человека к естественному богатству края. В упомянутой станице Венюковой ныне приходится отправляться в поиски за диким медом верст за 7-8, и то далеко не всегда казаки возвращаются с добычей. Впрочем, по Уссури, вследствие редкости и малых размеров казачьих поселков, все-таки чаще находятся пчелиные семьи. В Ханкайском районе хуже: там казаки жаловались, что бродишь по сопкам за медом, бродишь, и ничего не найдешь. В смысле добычливости не похож один год на другой; так, например, в окрестностях станции Гродековой и в бассейне Тахелжа в 1901 г., по словам казаков, попадались дикие пчелы много чаще против прошлого года. Это могло произойти и от благоприятных условий взятка, но также и оттого, что мобилизация казачьего населения [для участия в подавлении («боксерского») восстания ихэтуаней в Китае], уменьшив временно число разорителей пчелиных семей, дала возможность пчелам более расплодиться. В настоящее время только в тайге дикие пчелы еще пока не переводятся, но жители вновь возникающих деревень продолжают поступать так же, как поступали в других местах раньше тамошние новоселы. В № 1 газеты «Владивосток» за настоящий [1903] год говорится о добыче меда дикой пчелы в Сучанском районе следующими словами: «редкий дом, в котором не нашлось бы с осени 2-3 пуда, а у некоторых иногда и несколько десятков пудов меда. С августа месяца молодые парни партиями в 2-3-4 человека с

чистыми пустыми керосиновыми банками идут в сопки на поиски дикого меда. Найдя улей, лесину рубят, или вырубают отверстие в помещении улья, и руками выбирают мед. Гибнет рой дикой пчелы, гибнет и лесина. Достают меда от полуфунта до двух пудов с одного разоренного улья».

Дикая пчела гораздо мельче домашней, привезенной из Европейской России. У работниц цвет брюшка желтый, а грудка сероватая. Трутни – величиной с домашнюю пчелу. Матки тоже много меньше маток домашних и окраской желто-оранжевые или темно-бурые; ножки у них желтенькие или темно-бурые. Матки очень подвижны и плодовиты. Вообще, дикие пчелы шустры, вороваты и злы, но и очень работящи. Как поздно ни выйдет рой, он все-таки наносит для себя достаточно запасов. Если до 1-го августа отбирать мед у диких пчел, рассказывали мне казаки из пос. Богуславского, то они до зимы еще успевают заготовить гнездо и запасы; чаще, впрочем, слетают с разоренного гнезда и нельзя проследить их дальнейшей судьбы. В сравнении с домашней пчелой, дикая раньше вылетает на работу и позже заканчивает свой рабочий день: уже темно, а она все летает. По наблюдениям г. Мельникова вблизи [с.] Раздольного летом 1887 г., дикая пчела работает в такой дождь, который заставляет прятаться культурную. Роёв каждая семья дает от 4 до 6 и сама остается не в обиде. Беда лишь в том, что удержать рой трудно. Константин Мартинианович Наумов [в Хабаровске], в течение 1901-1902 гг. собрал от своих диких пчел 15 роёв, но из этого количества удержались лишь 3 семьи, а остальные слетели. Еще более у него улетело непойманных роёв, которых ничем нельзя было удержать. Нежелание диких пчел жить в обстановке пасеки и создало мнение, что приучить диких пчел нельзя. Но это не верно. Дикие пчелы лишь в большей или меньшей степени не любят вмешательства человека: от умения последнего ладить с ними зависит дело приручения. Так, [ныне] покойный Мартиниан Егорович Наумов добыл в 1863 г. первую семью диких пчел, выпилив колоду, и перевез ее с пчелами к себе в Хабаровку; а затем, со временем, частью путем посадки в ульи вышедших у него роёв, частью - добывая пчел из лесу, увеличил свою пасеку диких пчел до 28 пней и, кроме того, продавал еще на сторону; так, например, в [с.] Екатерино-Никольское приобрел полковник Пузино; были покупатели и с низовьев Амура, а именно с района [р.] Горюн. Со смертью М.Е. переменился уход, и вся пасека пошла прахом. Ныне сын его, К.М. Наумов, вновь завел диких пчел и даже делает попытки скрещивания этой породы с домашней пчелой.

Насколько дикие пчелы капризны в отношении жилища, указывает следующий факт. Как-то подвезли казаки в станицу Полтавскую к казенному дому семью диких пчел с их жилищем, вырезав колодку с дуплом. Рой, однако, ушел из гнезда в подполье через вентиляционное отверстие. В подполье рой держался более 7 лет, работал там, роился (никто, впрочем, роёв не собирал: улетали). Наконец, этих пчел забрал доктор Вердеревский. Как упомянуто выше, пчелы обыкновенно слетают и в лесу со своих гнезд, коль их потревожить, но это случается не всегда. Например, казак Толочкин из поселка Богуславского в 1900 году, на Рождестве, в случившийся теплый день подрезал лишь часть меда и оставил все-таки на пропитание пчелам, а затем заделал

отверстие, через которое вынимал мед; семья не слетела и работала в том же дупле и в 1901 году. По словам Ф.Ф. Буссе, «некоторые крестьяне-пасечники прибегают к насильственному задержанию роя, а именно: предупреждая отлетание, они несколько раньше вскрывают колоду и, поймав матку, обрезают ей крылья. Лишенная возможности летать, пчела садится в ближайшую новую колоду, куда за ней собирается и весь рой; но эта операция, требующая осторожности и искусства, не всегда удается; матка погибает, а рой рассеивается. Некоторым удавалось удерживать пчел этим способом в течение нескольких лет; так, в деревне Раковке пасека из диких пчел существовала 3 года и уничтожилась на 4-й, когда хозяин не мог своевременно произвести указанную операцию, и все рои улетели» (Буссе, 1896). Другой недостаток диких пчел – они очень злы, что уменьшается со временем. На пасеке К. Наумова в 1901 году нельзя было пройти спокойно мимо ульев с дикими пчелами, а в 1902 году летом они уже не трогали проходящих мимо, хотя все-таки усердно искусывали, когда пчеловоду приходилось заглядывать в их гнездо.

Чтобы закончить с дикими пчелами, укажу еще на приемы, которые применяют для отыскания дупел с гнездами диких пчел. В место, где раньше заметили летающих диких пчел, приносят кусок сота с медом, и сейчас же появляются пчелы и садятся на мед. Следя за направлением, по которому они отлетают, узнают, в какой стороне искать пчелиное гнездо. Казаки практикуют и другой способ. Вместо меда приносят или разыскивают дубовую гнилушку и, намочив ее уриной, наблюдают. Летающая пчелка, привлеченная специфическим запахом, скоро находит гнилушку и берет урину. С этой добычей пчела улетает в первый раз так быстро, что трудно проследить направление полета, но затем возвращается и, набравши урины, летит уже медленнее, прямо к своему дуплу. Заметив точно направление, при тихой погоде непременно найдешь гнездо, хотя бы за версту, полторы, во время ветра трудно искать, так как он относит пчелку вбок, почему она вместо прямой линии описывает кривую. Хотя лично мне не приходилось проверять успешность второго приема, но полагаю, что он должен дать результат не хуже первого: приходилось не раз наблюдать, с какой жадностью тянут домашние пчелы навозную жижу. Постепенное уменьшение добычи дикого меда подняло цены на него. Агроном Крюков в трудах III съезда приводит следующие цифры: в 1879-1880 годах пуд дикого меда стоил 6-7 рублей, в 1884 г. цена повысилась до 10-11 руб., а в 1891 году менее 15 руб. за пуд нельзя было достать. Как вздорожание меда, так и любовь к делу, присущая каждому, кто хоть немного занимался пчеловодством, заставили хлопотать о привозке домашней пчелы, так как дикая поддавалась приручению с очень большими трудами.

Домашняя пчела проникла в Приморскую область с двух концов: в Хабаровск из Благовещенска по Амуру и в Южно-Уссурийский край через Владивосток из Малороссии морским путем. В Хабаровск привез домашних пчел осенью 1887 г. [молочанин] мещанин Илья Иванович Хворов, отец которого в компании с другими при содействии амурского и забайкальского губернаторов много раньше добыл в Благовещенске пчел с [р.] Она, Забайкальский области. [Пчелы

были томскими: эта порода называется «среднерусская темная пчела»; она широко распространена в лесной зоне европейской части России, на Урале, в Западной Сибири; окраска – полностью темно-серая или черная без желтизны на брюшке (Алпатов, 1948)]. Пасеку свою устроил при доме по Корсаковской улице [сейчас – Волочаевская] на Средней горе [ул. Муравьева-Амурского]. От Хворова приобрели пчел и другие лица, так что к январю 1893 г. в Хабаровске и его окрестностях было уже 9-10 пчеловодов, имевших более 400 пчелиных семей, то есть в течение 5 лет каждая из привезенных 6 семей дала в среднем около 70 семей. Участливое отношение Хворова к начинающим собратьям пчеловодам, советы и содействие в работе по уходу за пчелами доставили Илье Ивановичу имя патриарха местного пчеловодства, как окрестил его в своем докладе III хабаровскому съезду Г.Т. Орлов. Очень успешно шло также размножение пчел у [ссылнопоселенца Воронежского селения (близ Хабаровска)] крестьянина Сахно. Из купленных им в 1889 году у Хворова четырех ульев к зиме 1892/1893 г. было у него 115 колодок, то есть каждая семья в течение 3 лет превратилась в 30 семей, в среднем. Эти оба пчеловода сослужили большую службу пчеловодству Хабаровского района, так как обильный расплод с их пасек дал материал для кадров других пасек. Вместе с тем пчеловодство Хворова и Сахно имело под собой прочное основание в своей доходности, причем Хворов преимущественно занимался выгонкой роев для продажи [в 1891 г. получил от генерал-губернатора ссуду 500 р. на льготных условиях], а Сахно стремился к увеличению пасеки с целью продавать более мед и воск, чем рои. При снабжении пчелами первоначально наделяли будущих пчеловодов роями в дуплинках, а впоследствии стали давать и в рамочных ульях. [Бездонки-дуплинки гораздо легче колод (естественных и искусственных дупел), так как сбивались из досок или представляли собой выточенные изнутри кругляки, были в несколько раз дешевле рамочных, но вмещали малый запас меда, и чтобы достать его, приходилось закуривать (убивать) пчел (это так называемая роебойная система пчеловодства)]. Таким образом, постепенно Хабаровск стал центром северо-уссурийского пчеловодства. Отсюда шли ульи как вверх по Амуру до Екатерино-Никольска, так и вниз до Софийска, хотя, должно сказать, что по Амуру ниже Хабаровска пчеловодства незаметно. [Ныне оно существует, и более-менее самодостаточно примерно лишь до с. Нижне-Тамбовское, а севернее пчел приходится почти все время подкармливать сахаром].

Небольшое число пчелиных семей попало на Уссури, но казаки, относящиеся вообще небрежно к сельскому хозяйству, долгое время игнорировали пчеловодство. Гораздо большего развития, чем в хабаровском районе, пчеловодство достигло в Южно-Уссурийском крае; куда привезены пчелы морским путем из Малороссии. [Порода эта называется «украинская пчела», разводится в степных и южных районах лесостепной зоны Украины: окраска серая, с желтизной на брюшке (Алпатов, 1948)]. Не сразу это удалось. «Переселенцы, – пишет Буссе, – делали много попыток перевезти пчел из своих пасек на родине, и с 1886 г. едва-ли был хотя бы один эшелон, не имевший до десятка ульев; но пчелы трудно

переносят морскую доставку и многие пчелы, достигшие берега, вскоре погибли. Той же участи подверглись улья, привезенные Янковским, несмотря на тщательный уход за ними на пароходе» [Буссе, 1896]. Наконец, в 1890 году переселенцы привезли около 10 роев, которые быстро привились в новых условиях и дали большой приплод. Вот что мне рассказал сам герой этой доставки, Максим Варрава. «Выехал я из Одессы в марте 1890 года на пароходе «Кострома». Как только вышли из порта, капитан парохода велел мне выбросить улья в море: все равно, говорит, пропадут на Красном море: сколько ни пробовали перевозить пчел, все они погибали. Я перекрестился, посмотрел на капитана и сказал: коль бросят хоть один улей в море, и я тоже бухну в воду. Оставил капитан меня в покое. Сначала моя пчела сидела смирно, но как вышли мы на Красное море, стала она гудеть и биться книзу улья (низ зарешечен был). Набрал я в рот воды и брызнул на пчелу раз, другой, - берет воду охотно. После одной, двух минут успокоилось в улье; тоже я сделал и с другими ульями. Затем поил пчел по 2 раза в день во все время переезда по Красному морю. В [Индийском] океане спокойная была пчела. Выставил пчел на берег облетаться в Сингапуре. Во все время переезда держал я пчел на палубе под шляпками и все время перекладывал с одного борта на другой, чтобы ветерок дул на улей. (Варрава вез пчел в мало-российских бездонках). По приезде во Владивосток встретил нас переселенческий начальник, Буссе, велел ульи переложить на пароход и сейчас отвезти в Раздольное, чтобы пчелы не пропали от туманов и морской воды. Для испытания оставили во Владивостоке 3 улья Козена (он со мной вместе привез пчел), но и те пчелы хорошо жили. Пока Козен перешел в Сысоевку, пчелы отстроили на 4 вершка. Я не остановился в Раздольном, и доехал до Никольска, а через 2 недели переехал в Ивановку».

Удачная доставка пчел морем в 1890 году поощрила крестьян к выписке колодок [бездонок] в большем количестве, что тоже повлияло на развитие пчеловодства. В 1893 г. в 15 селениях Южно-Уссурийского края занимались пчеловодством 49 человек и имелось 816 ульев; в следующем, 1894 году, у 87 пчеловодов было уже 2345 ульев, то есть в течение одного года число пчеловодов увеличилось на 77 %, а число ульев на 187 %. Подобному приросту пчел благоприятствовало сильное роение: одна семья давала 5-6 роев в течение лета. В том же, 1894 году, в Хабаровске и его окрестностях насчитывали 700 ульев, из коих у Хворова до 500, а у Сеньюгина более 50 штук. [Казак из станицы Казекевичево Леонтий Андреевич Сеньюгин владел хутором под южным склоном хр. Хехцир, на р. Чирка, - там, где ныне руч. Синюгинский]. Уссурийские казаки добывали пока лишь дикий мед, почему в отчете по Приморской области за 1892 год упоминается, что у казаков только 10-11 колодок. Пять лет спустя (данные относительно 1899-1900 годов приведены в № 6 «Листка Приморского областного статистического комитета» за 1901 г.) в Южно-Уссурийском округе состоит 692 пчеловода, обладающих 37.259 семьями пчел, в Хабаровском уезде и городе Хабаровске 24 пчеловода с 913 семьями пчел, в Уссурийской казачьей округе 48 пчеловодов с 655 ульями, на железнодорожных станциях 3 пчеловода с 185 семьями пчел, а всего в Приморской области 767 пчеловодов с 39.012 ульями пчел. Рассматривая вышеприведенные порайонные цифры, невольно обращаешь внимание,

как сильно шагнуло в количественном отношении пчеловодство в Южно-Уссурийском уезде по сравнению с хабаровским и казачьим районами. Что служит причиной такой разницы? По отношению к казакам секрет, отчасти, заключается в халатном отношении этого сословия к сельскому хозяйству вообще и надежда, что дикие пчелы снабдят их медом без особенных хлопот. В 1894 г. в Хабаровском районе было 700 ульев, а спустя 5 лет там только 913, то есть ежегодный прирост был лишь около 6 %, причем в самом Хабаровске пчеловодство уменьшилось: у одного только Хворова в 1894 г. насчитывалось до 500 ульев, а через 5 лет во всем Хабаровске лишь 490. Прекратила свое существование пасека Хворова, пчелы перешли к Бородину, который свез их на свою заимку около деревни Покровки, где они в первый же год от неумелого ухода все погибли [это пойма Амура на левом берегу, где нет липы]. Сахно тоже продал своих пчел в новые руки. Пасека К.М. Наумова с 98 семей сократилась до 54. [Нам представляется, что наиболее вероятной причиной упадка пчеловодства в Хабаровске была лесосводка в пределах быстро разраставшегося города на холмах, а прилегающие равнинные заболоченные территории вокруг него были малопродуктивны для пчел]. Если для всего района за пятилетие и наблюдается небольшой прирост, то лишь оттого, что пчеловодство стало понемногу появляться в деревнях Киинской [по рр. Хор, Кия] и Николо-Александровской [Малый Хехцир] волостей» (Дульский, 1903).

Попытки одомашнить китайскую восковую пчелу предпринимались и в Южно-Уссурийском крае. Так, в 1899 г. в Хабаровске проходила Амурско-Приморская выставка производственных достижений в освоении природных ресурсов края. В подотделе пчеловодства 19 экспонентов представили зрителям в общей сложности 88 экспонатов. Одним из участников был приходской священник Сергей Лебедев (Смирнов, 1899). Нам удалось найти сведения, что этот «пионер разумного пчеловодства» в Приморье начинал в 1892 г. в с. Янчихе [Цуканово, близ зал. Посъет]. «Вначале у него на пасеке работали, исключительно, местной породы дикие пчелы, с которыми производились наблюдения и опыты «приручения» их. В 1894 г. Лебедев переехал в Полтавку (60 км от Уссурийска) и здесь начал сравнительные наблюдения и опыты над работоспособностью диких «желтых» пчел и выписанных из Европейской России «черных» пчел» (Колбасенко, 1899). Наводнение 1896 г. уничтожило его пасеку, и он больше не работал с первыми, но активно совершенствовал технологию содержания медоносных – перешел на стандартные разборные рамочные ульи. Имел награды за образцовое ведение дела от Отделения пчеловодства Императорского Русского общества акклиматизации. После революции и гражданской войны переехал жить в Маньчжурию, где стал одним из первых русских пчеловодов. На севере Китая до сих пор используют две породы завезенных русскими «черных» пчел.

Таким образом, после занятия Амура в течение 40-60 лет на российском Дальнем Востоке произошел коренной перелом в путях получения товарного меда: от массового систематического грабежа и уничтожения диких пчел *Apis cerana* к развитию культурного пчеловодства на основе содержания *A. mellifera*.

Обитание китайской восковой пчелы около века назад на территории юга Хабаровского края (в двух местах) и Амурской области доказано письменными источниками. В то же время совершенно отсутствуют современные (или хотя бы за последние 50 лет) подтверждения ее сохранения здесь. Поскольку специальные поиски никем до сих пор не проводились, их необходимо предпринять.

Благодарности

В заключение благодарю хабаровских историков С.В. Гончарову и М.Г. Сморгкову за помощь в поиске редких изданий, а широко известного краеведа А.М. Жукова – за предоставленную возможность пользоваться его уникальной личной картотекой сведений по истории Дальнего Востока России.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.В.* Породы медоносной пчелы и их использование в сельском хозяйстве. М.: МОИП, 1948. 183 с.
- Арсеньев В.К.* Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901-1911 гг. Хабаровск: Канц. Приам. генерал-губернатора, 1912. С. 312–315.
- Бережников М.* Обзорение фабрично-заводской промышленности Амурской области в 1896 г. // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. 3. Вып. 3. Хабаровск: Канц. Приам. генерал-губернатора, 1898. С. 81.
- Буссе Ф.Ф.* Переселение крестьян в Уссурийский край в 1883-1893 годах с картой. СПб., 1896. 165 с.
- Ганин Г.Н.* Китайская восковая пчела (индийская пчела) *Apis cerana cerana* Fabricius, 1793 // Красная книга Хабаровского края. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. Хабаровск: ИВЭП, 1999. С. 426–427.
- Ганин Г.Н.* Китайская восковая пчела (индийская пчела) *Apis cerana cerana* Fabricius, 1793 // Красная книга Хабаровского края. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. Издание второе, исправленное и дополненное. Хабаровск: ИВЭП, 2000. С. 426–427.
- Горностаев Г.Н.* Восковая пчела *Apis cerana* Fabricius, 1793 // Красная книга Российской Федерации (Животные). Чита: АСТ; Бабашиха: Астрель, 2000. С. 167–168.
- Дульский Ф.Р.* О пчеловодстве в Приморской области // «Приамурские ведомости», Хабаровск, 1903. № 483 (30.03), С. 11–15; № 484 (4.04), С. 10–14; № 485 (13.04), С. 12–15.
- Кожевников Г.А.* Индийская пчела на Дальнем Востоке // Опытная пасека, 1926. № 9. С. 4–5.
- Колбасенко И.С.* Никольск-Уссурийский, 3 января 1899 г. [заметка корреспондента о пчеловодстве] // «Приамурские ведомости», Хабаровск. 1899. № 265, С. 18–19.
- Кузнецов В.Н.* О необходимости охраны китайской восковой пчелы *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) в Приморском крае // Растительный и животный мир Дальнего Востока. Вып. 3. Уссурийск: УГПИ, 1997а. С. 57–65.
- Кузнецов В.Н.* О распространении и состоянии популяций китайской восковой пчелы *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) в Приморском крае // Чтения памяти А.И. Куренцова. Вып. 7. Владивосток: Дальнаука, 1997б. С. 143–150.

Кузнецов В.Н. О состоянии популяций китайской восковой пчелы *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) в Приморском крае // Исследование и конструирование ландшафтов Дальнего Востока и Сибири. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 202–212.

Кузнецов В.Н. Китайская восковая пчела *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) в Приморском крае. Владивосток: Балс, 2002. 42 с.

Кузнецов В.Н. Особенности экологии китайской восковой пчелы *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) в Приморском крае // Чтения памяти А.И. Куренцова. Вып. 15. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 116–121.

Кузнецов В.Н. Китайская восковая пчела *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) на Дальнем Востоке России. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. 112 с.

Кузнецов В.Н., Процалькин М.Ю. Китайская восковая пчела *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) на юге Дальнего Востока России. Владивосток: Балс, 2004. 56 с.

Куренцов А.И. Об охране некоторых полезных и реликтовых видов насекомых Уссурийской фауны // Охрана природы на Дальнем Востоке. Вып. 2. Владивосток, 1964. С. 103–111.

Куренцов А.И. О необходимости охраны редких и реликтовых видов энтомофауны Дальнего Востока // Об охране насекомых. Ереван, 1973. С. 51–60.

Панфилов Д.В., Кочетова Н.И., Акимушкина М.И. Пчела индийская *Apis indica* Fabricius, 1793 // Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Издание второе, переработанное и дополненное. Т. 1. М.: Лесная промышленность, 1984. С. 268–269.

Песенко Ю.А., Лелей А.С., Радченко В.Г., Филаткин Г.Н. Китайская восковая пчела *Apis cerana cerana* F. (Hymenoptera, Apidae) на Дальнем Востоке СССР // Энтомологическое обозрение. Т. 68. Вып. 3. Л.: Наука, 1989. С. 527–548.

Прогунков В.В. Ресурсы медоносных растений юга Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. ун-т, 1988. 228 с.

Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амуро-Приморской выставке 1899 г. в Хабаровске. Хабаровск: Канц. Приам. генерал-губернатора, 1899. С. 89–95; 187–199.

Смольников А. Неизвестные письма Арсеньева // «Красное знамя», Владивосток, 1973. (7.07.1973 г.).

Соловьев К.П. Липняки // Леса Дальнего Востока. М.: Лесная промышленность, 1969. С.182.

Филаткин Г.Н. Охрана и рациональное использование аборигенной пчелы (*Apis cerana cerana* F.) на Дальнем Востоке СССР // Чтения памяти А. И. Куренцова. Вып. 1-2. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 117–124.

THE HISTORICAL EVIDENCE ON THE CHINESE WAX BEE
(*APIS CERANA CERANA* F.) AND THE BEGINNING
OF BEEKEEPING IN THE RUSSIAN FAR EAST

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Branch of Pacific Research Fisheries Centre, Khabarovsk, Russia

The known and hypothetical reasons of critical state of the Chinese wax bee populations in the Russian Far East are analyzed. The climatic and natural premises of bees' habitat near northern borders of area are discussed. The data on distribution and mode of life, as well as the information about utilization and attempts of domestication of the Chinese wax bee by Russian immigrants are reviewed. The historical data on the first Western honey bee farms in the Russian Far East is given too.